

Другіе народы также не всё равно намъ извѣстны. Религія сблизила насъ съ Евреями, воспитаніе съ Греками и Римлянами, сосѣдство и безпрестанныя сношенія съ Европою. Азія и Африка существуютъ для насъ почти въ одной Географіи. При первомъ взглядѣ кажется, больше труда и достоинства въ поэтическомъ изображеніи послѣднихъ; но гдѣ жь поѣвка? Многіе въ сословіи замыслили погрѣшности и опущенія неискренняго автора, когда онъ пишетъ о предметахъ, вообще знакомыхъ, малѣйшій недоспадокъ видѣть: о чуждомъ и темномъ пишутъ, что хочешь; все хорошо; лишь бы ново. Опять спрошу, что съ нимъ будетъ, когда состарѣется?

Кромѣ раздѣленія Поэзіи по вѣкамъ и народамъ, есть еще другое: по родамъ и формамъ; но первое существенно, а второе произвольно. Въ каждомъ вѣкѣ и народѣ появлялись, сами собою, или въ подражаніе, новыя формы стихотвореній; нѣкоторые осмѣлились, другія исчезли, многія еще могутъ возродиться. Онѣ важны не собственно по себѣ, а по связи своей съ содержаніемъ; съ измѣненіемъ его, должны измѣниться и наружный видъ.

(Продолженіе въ слѣдующ. Но.)

Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я

Русскія книги.

Исторія Русскаго народа, сочиненіе Николая Полеваго. Томъ I. — М. въ Типогр. Августа Семена, 1829. (LXXXII — 368 стран. въ 8-ю д. л. Въ концѣ книги приложена таблица, содержащая въ себѣ Генеалогическую роспись Русскихъ Князей съ 862 по 1055 годъ. (*))

СТАТЬЯ I.

Мы не охотники разбирать заглавія и предисловія книгъ, о коихъ обязываемся отдавать отчетъ публикѣ; но передъ нами первый помъ Исторіи Русскаго народа, соч. Г. Полевымъ, и поневоля должны мы остановиться на первой строкѣ посвященія: *Г-ну Нибуру, первому Исторіку нашего вѣка*. Спрашиваешь: кѣмъ и какимъ образомъ Г. Полевой уполномоченъ назначать мѣста писател-

лямъ, заслужившимъ всемірную извѣстность? долженъ ли Г. Нибуръ быть благодаренъ Г. Полевому за милосливое производство въ первые Исторіки нашего вѣка, не въ примѣръ другимъ? Нѣтъ ли шума со стороны Г. Полеваго излишней самонадѣянности? Зачѣмъ съ первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недобрычаго къ выходкамъ авторскаго самолюбія и предубѣжденнаго противъ нескромности? Самое посвященіе, вѣроятно, не помирить его съ Г. Полевымъ. Въ немъ господствуетъ единая мысль, единое слово: *Я*, еще больше неловкое, чѣмъ ненавистное *Я*. Послушаемъ Г. Полеваго: „Въ то время, когда образъ званности и просвѣщеніе соединяють все народы союзомъ дружбы, основанной на высшемъ созерцаніи жребія человечества, когда высокія помысленія, плоды философскихъ наблюденій, и великія истины прошедшаго и наступающаго, составляютъ общее наследіе различныхъ народовъ и быстро раздѣляются между обитателями отдаленныхъ одна отъ другой странъ; . . . « тогда — чтобы вы думали? » *я осмѣливаюсь поднести вамъ мою Исторію Русскаго народа.*»

Belle conclusion et digne de l'exorde! . . .

Дальше: «Я не поколебался писать Исторію Россіи по слѣдамъ Карамзина; утвердительно скажу, что я вѣрно изображилъ Исторію Россіи; я зналъ подробности событій, я чувствовалъ ихъ, какъ Русскій; я былъ безпристрастенъ, какъ гражданинъ міра» . . . . Воля ваша: хвалишь себя немножко можно; зачѣмъ терять хоть единый голосъ въ собственную пользу? Но есть мѣра всему. Дальше: «Она (картина Г-на Полеваго) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть приношеніе мое покажется вамъ, что въ Россіи сполько же умють цѣнить и почитать васъ, какъ и въ другихъ просвѣщенныхъ странахъ міра.» Опять! какъ можно самому себя выдавать за представителя всей Россіи? За посвященіемъ слѣдуетъ предисловіе. Вступленіе въ оное писано темнымъ, изысканнымъ слогомъ и своими проповѣдчійми и многословіемъ напоминаетъ Философическую статью объ Руской Исторіи, напечатанную въ *Московскомъ Телеграфѣ* и разобранную съ шакой оригинальной веселостію въ *Славянинѣ*.

Пріемлемъ смѣлость замысливъ Г-ну Полевому, что онъ поступилъ по крайней мѣрѣ неискусно, нападъ на *Исторію Государства Россійскаго* въ то самое время, какъ начиналъ печатать *Исторію Русскаго Народа*. Чѣмъ больше, чѣмъ искреннѣе отдавать бы онъ справедливости Карамзину, чѣмъ смиреннѣе опозовался бы онъ о самомъ себѣ, нѣтъ охотнѣе были бы все готовы привѣтствовать его появленіе на поприщѣ, ознаменованномъ безсмертнымъ трудомъ его предшественника. Онъ отдалилъ бы отъ себя нареканія, правдоподобныя, если не совсѣмъ справедливыя. Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою,

(*) Раздается въ книжномъ магазинѣ А. Смирдина. Подписная цѣна за всѣ 12 томовъ 40 руб. съ пересылкой 45 рублей.

Искусства рисовальныя, и Поэзія, имѣютъ взаимныя преимущества и недостатки. Объемъ послѣдней несравненно обширнѣе: кистью. и рѣзцомъ многого нельзя выразить, между пѣмъ какъ слова все выражаютъ, но за то выраженіе ихъ слабо передъ сильнѣмъ впечатлѣніемъ Живописи, и еще болѣе Скульптуры. Тамъ расказъ, а здѣсь сама вещь; тамъ цѣлое образуется медленно изъ частей, здѣсь же оно внезапно во всей полнотѣ и силѣ появляется и поражаетъ.

Въ Живописи и Ваяніи гораздо меньше споровъ, разкоровъ и прошиворвчій о достоинствѣ художественныхъ произведеній, чѣмъ въ Поэзіи: отъ чего? Не отъ того ли, что все вообще полагаютъ себя доспапочными знапоками и судьями послѣдней, ибо она по свойству своему пѣснѣе связана съ умомъ и разсудкомъ? Многие охотно признаются въ недостаткѣ свѣдѣній рисовальныхъ, и ошказываются отъ рѣзкихъ приговоровъ надъ картинами или статуями; но всякой хочетъ судить о томъ, что онъ можетъ прочесть. Въ Живописи и Скульптурѣ спорятъ только знающіе, и попому вскорѣ на чемъ нибудь согласятся; въ Поэзіи всѣхъ громче рысаютъ незнающіе; и пѣнь преніямъ конца. Молодой человекъ, рисующій цѣвны въ Альбомахъ, боится сказать дурное слово объ Академическомъ слѣпкѣ Лаокоона или о Дрезденской Богородицѣ, копорую знаетъ по эстампу Мюллера; но попъ же молодой человекъ пишеть списки въ Альбомахъ, и смѣло судитъ Гомера и Данте, Эскила и Шекспира, Софокла и Расина, хотя не знаетъ ни слова по-Гречески ни по-Италіански, плохо по-Французски, и какъ Фигаро по-Англійски.

Сверхъ того, оригинальныя произведенія Ваяніи и Живописи дороги и рѣдки; они хранятся въ великолѣпныхъ залахъ, гдѣ ихъ видятъ въ годъ разъ, и предубѣжденіе къ нимъ увеличено непомерною вѣною, за нихъ заплаченою; но книги дешевы, и всякой можетъ ихъ имѣть у себя. Современные художники такъ же не въ одинакомъ видѣ представляются публикѣ: живописцы и ваятели составляютъ особый классъ людей, не всякъ смѣетъ сказать; son pittore anch'io; но стихотворецъ мнѣ знакомый, мы вмѣстѣ служили, и тогда моя воля судить на-двое: коли мы сошлись, его слава падаетъ и на меня, онъ гений выше всѣхъ бывшихъ и будущихъ; коли нѣтъ, я ни за что не соглашусь признавъ въ немъ дарованія, и пѣмъ поспавишь его какъ бы выше себя.

Предоставляю судить объ Архитектурѣ каждому народу и лицу по своему удобству, о Музыкѣ по своему безощечному наслажденію; полезное и пріятное не для всѣхъ одно и то же, но прекрасное неизмѣнно. Въ Живописи и Ваяніи общее мнѣніе оспенилось; оно должно равномерно утвердиться и въ Поэзіи, коль скоро самолюбіе, приспращіе и невѣжество частныхъ

лицъ, будутъ удержаны достоинствомъ, знаніемъ и правосудіемъ обществу.

II. О поэзи вообще.

Съ нѣкопорого времени въ обычай вошло дѣлить Поэзію на двое, на Классическую и Романтическую: раздѣленіе совершенно вздорное, ни на какомъ ясномъ различіи не основанное. Спорятъ, не понимая ни себя, ни другъ друга; со спороны примѣшно только, что на языкѣ нѣкопорыхъ, *классикъ* педантъ безъ дарованія, на языкѣ другихъ, *романтикъ* шалунъ безъ смысла и познаній.

Начальная, первобышняя, самородная Поэзія, у каждаго народа имѣетъ необходимо особое свойство и краску. Люди въ нѣкопорыхъ оппониціяхъ, всѣхъ и всегда одинаковы, въ другихъ несходны между собою; Поэзія, изображая ихъ, будетъ непрѣнно въ общихъ свойствахъ одна повсюду, въ частныхъ и мѣстныхъ разнообразна.

Поэзія искусственная, въ народѣ просвѣщенномъ, и знающемъ не только себя, но и другихъ, можетъ вмѣщать въ себя все различныя свойства разнородныхъ поэзій, не смѣшвая ихъ уродливо. Чѣмъ ближе Поэтъ новый, нашъ, обрабатывая предметъ древній или чуждый, подойдетъ къ свойству, быту и краскѣ избраннаго имъ мѣста, времени, народа и лица, пѣмъ превосходитъ будетъ его произведеніе; чѣмъ меньше стумѣетъ онъ студа перенести себя и чинашеля, пѣмъ ошлѣе его будетъ хуже и неудачнѣе.

Предписывать Поэту выборъ предметовъ, несправедливо и вредно; кто можетъ по чужимъ впечатлѣніямъ, дѣйствовать такъ свободно, горячо и усѣбно, какъ по собственнымъ? Было время во Франціи, когда не почитали достойными Трагедій никого, кроме Грековъ и Римлянъ; Корнель не смѣлъ назвать *Сиды* иначе, какъ праги-комедію, а Расинъ принужденъ просить извиненія за Турокъ въ предисловіи *Валзета*. Теперь листъ перевернулся, Грековъ и Римлянъ гонятъ съ благо свѣта: и то и другое предразсудокъ, недостатокъ истиннаго вкуса и поэтического чувства. Для знапока, прекрасное, во всѣхъ видахъ и всегда прекрасно; судить о произведеніяхъ высокихъ искусствъ по прихотямъ моды, явный признакъ слабоумія.

Одно исключеніе изъ сего правила извинительно, и даже похвально: предпочтеніе Поэзіи своей, опечесивенной, народной; оно подкрѣпляется мыслию, что хорошее сочиненіе въ эпическомъ родѣ можетъ достигнуть большаго совершенства, нежели всякое другое; свое ближе чужаго: Поэтъ съ нимъ познакомшся короче, выразитъ вѣрнѣе и сильнѣе.